
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Гранин Ю. Д.

д. ф. н., заведующий кафедрой истории и философии науки

Академии медиаиндустрии, ведущий научный сотрудник

Института философии РАН.

E-mail: maily-granin@mail.ru

В статье анализируются социально-философское содержание понятия «глобализация», многообразие исторических форм осуществления глобализации человечества. Одной из последних и наиболее успешных исторических форм глобализации оказалась евроатлантическая модель объединения человечества, получившая название «вестернизация». Но будущее глобализации не связано с неизбежной вестернизацией стран второго мира. Нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы выработать собственные, культурно иные формы глобальных стратегий, препятствующие ее распространению в форме вестернизации.

Ключевые слова: *глобализация, вестернизация, интеграция, империя, модернизация, нация, национализм, национальное государство, социальная философия.*

The socio-philosophical meaning of the term «globalization», the diversity of historical forms of globalization of humanity are analyzed in the article. One of the last and most successful historical forms of globalization was the «Euro-Atlantic» unification model of humanity, called the «westernization». But the future of globalization is not associated with the inevitable westernization of the «second» world. The current wave of globalization induces major regional powers to produce their own cultural and other forms of global strategies to prevent its spread in the form of «westernization».

Keywords: *globalization, westernization, integration, Empire, modernization, nation, nationalism, national State, social philosophy.*

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, свободное движение капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование транс-, интер- и наднациональных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идет таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для стран «Большой семерки» во главе с США для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают страны? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах вестернизации или культурной гибридизации. В теоретическом плане решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

* * *

Невзирая на то, что термин «глобализация» стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х гг., уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в ее реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый автор вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от его идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности. Поэтому любая серьезная попытка писать о глобализации должна, по мнению Р. Робертсона и Х. Хонджера, включать в себя анализ сходства и различия между дискурсами о глобализации [Робертсон, Хонджер 2004]. Но в корпусе работ, посвященных глобализации, эти дискурсы оказались переплетены так тесно, что произошла идеологическая абсолютизация концепта глобализации, с помощью которого зачастую пытаются объяснить все значительные изменения в современном мире, предварительно не выяснив сущности этого исторического феномена.

В отечественной литературе эта тенденция была замечена В. Л. Иноземцевым, остроумно сравнившим теорию глобализации с религиозной доктриной, «поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу» [Иноземцев 2004: 58]. К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть не что иное, как вестернизация – начавшаяся с середины XV в. «*экспансия “западной” модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели*» [Там же: 60].¹

Оставляя пока в стороне вопрос о наличии теории глобализации и продуктивности отождествления глобализации с вестернизацией, обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок, своеобразие которых, в свою очередь, объективно обусловлено, с од-

---

¹ Процесс глобализации, отмечает В. Л. Иноземцев, не может быть описан строгой теорией, поскольку глобализация «основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные ее “архитекторам”» [Иноземцев 2008: 37].

ной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой – конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о движущих силах и субъектах глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи универсального эволюционизма и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, глобализацию истолковывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы» [Чумаков 2005: 407]², или как *целевую функцию* нелинейного процесса самоорганизации социальной системы в суперсложный организм – Мегасоциум, который, будучи представлен локальными социальными организмами (социумами), в свою очередь, имеет идеальную программу жизненного цикла: проходит стадии зарождения, роста и умирания [Азроянц 2002: 65, 66, 248, 250]. В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющей циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного и они неудачны. Не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики [см., например: Синергетика... 2006: 27, 31–33], так и проблемы «универсального эволюционизма», которую не без оснований считают метафорой для «обозначения традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются» [Казютинский 2006: 93–94]. Поэтому большинство исследователей предпочитают работать в пределах традиционных – социологических – истолкований истории человечества, в границах которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких* противостоящих друг другу *тенденций истории*, либо как *одна* – результирующая – *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как локализация, национализация и регионализация, ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, ... порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти» [Хелд и др. 2004: 19].³ Во втором случае, по сути, тот же самый процесс – изменение пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо

---

² Правда, в последней статье автор в контексте философского исследования определил глобализацию «прежде всего как объективный исторический процесс, сопряженный с борьбой различных интересов» [Чумаков 2012: 14].

³ Под потоками авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под структурами – «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти» [Хелд и др. 2004: 19].

«сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами – интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности). На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают: 1) развитие науки и техники, техносферы (техницистский подход); 2) развитие экономической (капиталистической), политической или культурной мир-системы (миросистемный подход); 3) распространение (столкновение) культур и цивилизаций (социокультурный подход); 4) модернизацию обществ по линиям: «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – евроатлантической – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «центр» и отсталую «периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами, второй – к XIX столетию, веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX в.: эпохе НТР и международных организаций [см., например: Валлерстайн 2003; Пантин, Лапкин 2006; Спикер 2003 и др.]. Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции [Чешков 1999; 2008: 8] или Осевому времени [Хачатурян 2002: 235–236]. В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически-волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций» [Пантин 2003: 6].

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходят из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как *мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность*, реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь вовремя снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма. Лучшим лекарством от этого была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *Homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него созданием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется

к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

* * *

Точка зрения социальной философии и – шире – философии истории определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения исторических событий в контексте диалектико-деятельностного единства Бытия и Сознания. В контексте нашего исследования это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества – это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) **между** объединенными в малые и крупные, социальные, политические и социокультурные целостности индивидами – обществами (социумами), государствами и цивилизациями, но и внутренняя история возникновения, развития и исчезновения этих государств, обществ или цивилизаций. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированными от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны, как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к становлению и последующему объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (то есть культурно и политически связанных) целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая и детерминирующая этот процесс предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы (роды, племена, этносы, нации), государства и цивилизации индивидов*. Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировало их распространение в пределах и за пределы регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким социально-философским способом понимание глобализации как мегатенденции к становлению и объединению человечества – предельно общая, но совсем не пустая абстракция. Она не только учитывает оба зна-

чения термина «глобальный», восходящих к латинскому “globus” (планетарный) и к французскому “global” (всеобщий, всемирный), но и способна нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместную редукцию глобализации к экономической, политической или какой-то иной из многих сторон (составляющих) исторического процесса.

В качестве мегатенденции истории человечества, способом существования которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между ними. Поэтому ее можно рассматривать как совокупность процессов экономической (торговой, финансовой, производственной и др.), политической (военной и дипломатической) и/или культурной (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и различные исторические эпохи.

Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов: учитывать, что в длительной исторической ретроспективе *глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм*, источником которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними⁴ и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни. Обобщая, можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М. Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на полноту, рассмотрим характерные черты этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

* * *

Предыстория глобализации человечества уходит в глубокое прошлое. Известная нам антропоистория представляет собой двуединый биосоциальный процесс *эволюции и распространения вида Homo sapiens по планете*, сопровождавшийся его антропометрической (расовой, внутрирасовой) дифференциацией, и *трансформации этого вида в «человечество»*, развитие которого, в свою очередь, было связано не только с увеличением его численности и географического пространства жизни, но и с перманентным усложнением и увеличением разнообразия форм целесообразной осознанной жизнедеятельности, процессами социальной,

⁴ Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных сетей и коммуникаций.

экономической, политической и социокультурной интеграции – образования все более сложных и географически более обширных социумов, культур и цивилизаций, постоянно порождающих новые линии политических, экономических, культурных и иных дифференциаций.

Выделение человека из природы и его победа в конкурентной борьбе с животными и гоминидами были обусловлены не только изменением способов производства материальных благ, но и трансформацией духовно-практических форм производства и организации социальной жизни, первоначально связанных, по-видимому, с нерелексивным осознанием базовой потребности в общении и существовании вместе с другими людьми, в развитии отношений родства (семьи), кооперации и солидарности, осуществляемом на основе закрепленных устной коллективной памятью категорий очевидности [подробнее см.: Кармадонов 2005: 56]. Так или примерно таким образом на заре человечества формировалось общее социальное пространство совместной жизни людей в составе первых человеческих обществ (социумов), целостность которых обеспечивалась общими для них неинституциональными нормами общежития.

Вектор последующей трансформации социальных целостностей во все более крупные (пространственно и численно) общества и их союзы был связан с расширением поля контактов между лингвистически и культурно разными социумами, становлением и развитием письменности, универсальных (логических) форм и категорий мышления, абстрагирующая сила которых вместе с продуктивной способностью воображения глобализовала сферу представлений о взаимосвязях людей с окружающим миром, помещая их в сферический пространственно-временной континуум совместной с богами жизни. Так поверх всех локальных социокультурных различий в теогониях и мифопоэтических традициях выстраивалась символическая связь времен, формировалась идея происхождения изначально единого человечества, которая затем в так называемое Осевое время (между 800–200 гг. до н. э.) обрела широкое распространение, оригинально трансформировавшись в различных религиозных и философских учениях, заложивших основы последующих глобальных (мировых) культур, религий и цивилизаций. Именно в этот период усилиями первых греческих философов, иудейских пророков, основателей зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае формировалась идея глобальности мира, единства человечества и личной ответственности индивида за существование и сохранение анонимного мира-бытия. Впоследствии эта идея была подхвачена и своеобразно развита сначала христианством, а затем исламом. Параллельно и вместе с развитием глобализирующих мир и человечество философских и религиозных представлений шел интеллектуальный поиск политических и правовых форм совместной жизни.

Начиная с неолитической революции вся известная нам история вида *Homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство: территории проживания и сосредоточенные на этих территориях ресурсы, в том числе и человеческие. Удержать эти территории и ресурсы достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь

организовав *общее* экономическое и политическое пространство *совместной жизни* для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных (для них) норм общежития. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства, в пределах которых и помимо непреднамеренных культурных диффузий, сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности*: территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в общества (племена, союзы племен, этносы и нации) группы людей, эмоционально-символически и концептуально идентифицирующие себя как одно целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус мировых ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею человечества и его антропобиологического единства – субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность – философски и политически фундированным проектом [подробнее см.: Гранин 2011: 69–83].

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами. Конкуренция между ними неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущим за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидами. По сути дела, *социально-политическая история глобализации – это история превращения локальных историй* первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, *в региональную историю* древних и средневековых этнических государств и империй, *а затем и во всемирную историю* наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но

и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В контексте нашего обсуждения учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение, которое подчеркивает ограниченность построения западнцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующими ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации мира. Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

* * *

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX – середины XX столетия. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной, поскольку она основывается на двух достаточно спорных гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения «центра» мирового развития с Востока на Запад и идее однополярного мира, разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически и культурно доминирующий «центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи, в свою очередь, опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции европейского мышления, получившей в 1970–1980-х гг. в трудах арабо-мусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов название «ориентализм».

Эта свойственная всей европейской культуре (и, как считают, непреодоленная до сих пор) традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного» и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе этой практики выковывалась «европейская идентичность» белого человека, формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и в антрополо-

гию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западоцентричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем-то само собой разумеющимся. Специфика ориентализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми,

с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций (представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях), которые сам для своих нужд и создал [подробнее см.: Саид 2006: 78–114].

Солидаризуясь с этим наблюдением, добавлю, что и Восток всегда имел и имеет дело не с Западом как таковым, а с его многочисленными репрезентациями, в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще, тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому, отдавая должное исследованиям ученых-реориенталистов, результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности оксидентализма⁵ и перемещать центр прошлого (и современного) глобального развития из Европы в Азию. «Белые» мифологии⁶ ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азиациентризм» не лучше евро- и западоцентризм. Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний, которые свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История – нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных «цивилизационных» (социокультурных) и политических моделей.* Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала империя.

По справедливому замечанию А. Г. Франка, перемещение «центра мира» – колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии» [Frank 1998: 1]. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что начиная с XII в. н. э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия центром торгового, экономического и даже индустриального про-

---

⁵ Оксидентализм – оборотная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.

⁶ Именно так – «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» – называется обобщающий труд по ориентализму А. Янга, в котором он, ссылаясь на Э. Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме» [Young 1990: 14].

гресса (до XV в.) была Азия⁷. Крупнейшие азиатские империи значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния [Frank 1998: 123–127]. Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII столетия. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли

и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам спланировавшим социумы традиционным мировоззрению и культуре, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй Центральной и Юго-Восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого Османами «исламского мира», последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, а позже и США, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке, навязав народам этих континентов евроатлантическую модель развития. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли данным странам, приспособившись к нынешней, в значительной мере скроенной по американским лекалам вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобализационных стратегий.

* * *

Разумеется, шансов на равных войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны националь-

---

⁷ Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовали и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система.

ные формы глобализационных стратегий индустриальных стран, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неоллиберализма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительными в сравнении с Китаем, занявшимся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того, по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты. ...Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» [Буров, Федотова 2007: 18], сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Прочие страны мира скорее приспосабливаются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается успешно – как, например, у аравийских монархий, у других – например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины того и другого в меньшей степени связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с использованием ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Между тем по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовывается перспектива создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональ-

ных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана и Малайзии. И поскольку известная нам история – нелинейный процесс структурного усложнения человечества и одновременно становления его целостности и единства, реализующийся в череде попыток формирования общего пространства совместной жизни сообществ людей на основе разных форм общежития и разных цивилизационных моделей развития, то может статься, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

Литература

Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М.: Новый век, 2002. (Azroyants E. A. Globalization: An accident or a way to development? Moscow: Noviy vek, 2002).

Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–20. (Burov V. G., Fedotova V. G. Chinese experience of modernization: Theory and practice // Philosophical Questions. 2007. No. 5. Pp. 7–20).

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 78–82. (Wallerstein I. The end of the known world. Sociology of the 21st century / Transl. from English by V. L. Inozemtsev. Moscow: Logos, 2003. Pp. 78–82).

Гранин Ю. Д. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ. Саарбрюкен: LAP LAMBERT, 2011. (Granin Yu. D. Globalization and nationalism: History and the present. Social and philosophical analysis. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011).

Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69. (Inozemtsev V. L. Westernization as globalization, and ‘globalization’ as Americanization // Philosophical Questions. 2004. No. 4. Pp. 58–69).

Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44. (Inozemtsev V. L. Modern globalization and its perception in the world // Age of Globalization. 2008. No. 1. Pp. 31–44).

Казютинский В. В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Философские науки. 2006. № 7. С. 91–98. (Kazyutinsky V. V. Epistemological problems of universal evolutionism // Philosophical Sciences. 2006. No. 7. Pp. 91–98).

Кармадонов О. А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 47–56. (Karmadonov O. A. Globalization and symbolical power // Philosophical Questions. 2005. No. 5. Pp. 47–56).

Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003. (Pantin V. I. Cycles and waves of global history. Glob-

alization in historical measurement. Moscow: Noviy vek, 2003).

Пантин В. И., Лапкин В. В. *Философия исторического прогнозирования*. Дубна: Феникс+, 2006. (Pantin V. I., Lapkin V. V. *Philosophy of Historical Forecasting*. Dubna: Phoenix +, 2006).

Робертсон Р., Хондкер Х. *Дискурсы о глобализации: предварительные размышления // Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник*. М.: ИНИОН РАН, 2004. Ч. I. С. 127–131. (Robertson R., Khondker H. *Discourses of globalization: Preliminary considerations // Globalization: Contours of the 21st century. Abstract collection*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2004. Part 1. Pp. 127–131).

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова*. СПб.: Русский мир, 2006. (Said E. W. *Orientalism. The western concepts of the East / Transl. from English by A. V. Govorunov*. St. Petersburg: Russian world, 2006).

Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 2006. № 9. С. 3–33. (Synergetics: Perspectives, problems, difficulties (materials of the round table) // *Philosophical Questions*. 2006. No. 9. Pp. 3–33).

Спикер Г. *Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей*. М., 2003. (Speaker G. *Globalization and development: Prospects of the Christian social doctrine // Globalization and clash of identities*. Moscow, 2003).

Хачатурян В. М. *Возможна ли глобальная история? (По материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло. 2002) // Цивилизации*. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236. (Khachatryan V. M. *Whether global history is possible or not? (Based on materials of reports of the 19th International Congress of Historical Sciences in Oslo. 2002) // Civilizations*. Vol. 5. Problems of global studies and global history. Moscow, 2002. Pp. 235–236).

Хелд Д., Гольдблатт Д., МакГрю Э., Пerratон Дж. *Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура*. М.: Праксис, 2004. (Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. *Global transformations. Politics, economics and culture*. M.: Praxis, 2004).

Чешков М. А. *Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra*. 1999. № 4. С. 114–127. (Cheshkov M. A. *Globalization: Essence, present phase, prospects // Pro et contra*. 1999. No. 4. Pp. 114–127).

Чешков М. А. *Глобальность как базовое понятие глобалистики // Век глобализации*. 2008. № 2. С. 3–11. (Cheshkov M. A. *Globality as the basic concept of global studies // Age of Globalization*. 2008. No. 2. Pp. 3–11).

Чумаков А. Н. *Глобализация. Контуры целостного мира*. М.: Проспект, 2005. (Chumakov A. N. *Globalization. Contours of the whole world*. Moscow: Prospekt, 2005).

Чумаков А. Н. *Глобалистика в системе научного знания // Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 3–16. (Chumakov A. N. *Globalistics in the system of scientific knowledge // Philosophical Questions*. 2012. No. 7. Pp. 3–16).

Young R. *White Mythologies. Writing History and the West*. London; New York, 1990.

Frank A. G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, LA, 1998.